

В. М. Рыбаков

Представления о желанном будущем как фактор социально- культурной устойчивости

Утопии не являются просто выдумками. В них целые культуры осознают, о чём мечтают. Поэтому утопии имеют привычку так или иначе сбываться.

Основополагающие элементы утопий Платона, Мора и Кампанеллы до сих пор воздействуют на европейскую общественно-политическую реальность.

Принципиальный характер отличий утопий от реального мира проявился во взрывном, судорожном развитии Европы, нескончаемым чередовании пропагандирующих насилие сект и революций. Идея отбирать детей у родителей и передавать их опытным воспитателям проявилась в виде ювенальной юстиции. Организованность утопий, где всё делается ради общего блага и по велению начальства, проявилась в сильнейшей бюрократизации. Идея, согласно которой утопии в силу своего совершенства имеют право освободить любой иной народ от некоей «тирании» и ставить над ним своё начальство, а богатства конфисковывать в общее пользование, сильнейшим образом проявляется в современной политике. Такая знаменитая и относительно совсем недалёкая от нас по времени утопия, как «Освобождённый мир» Уэллса, поражает обилием совпадений между тем, что Уэллс описывает как желательное, правильное, нравственное, и политической реальности последних лет. Тут и разрушение Югославии, и стремление изымать российские природные богатства ради спасения всего остального человечества, и почти дословное «Вау!» Хилари Клинтон по поводу смерти Каддафи...

Что же касается коммунистических идей — уничтожения денег, бесплатного централизованного распределения и победы таким образом над бедностью и тщеславием, именно когда объективный экономический тренд окончательно разрушил эти иллюзии, Европа ощутила некую бесцельность своего существования. Отсюда нотки «Страх и трепета», «Смерти богов» и «Заката Европы». Отсюда превращение идеала свободы как средства достижения конструктивных общих целей в идеал свободы как самоцели. Отсюда отождествление социального прогресса с увеличением степеней свободы. Отсюда превраще-

ние защиты прав человека в культивирование извращений.

Китайские утопии куда скромнее по своим запросам и преобразовательным порывам. Они не перестраивают мир, а благоустраивают его. С самого начала и на весь период существования Китая социальный идеал оказался кратко сформулирован Конфуцием и впоследствии лишь уточнялся, но не менялся.

Это — соразмерность, справедливость распределения безо всяких конфискаций и насильственных обобществлений. Обширные социальные гарантии, обеспеченные государством всем слоям населения с учётом их особенностей и потребностей. Плотная вязь пользующихся высочайшим пиететом родственных и семейных связей. Сытые дети под присмотром, ухоженные и получающие надлежащую помощь бо-были, вдовы и старики, доверяющие друг другу зрелые люди во цвете лет, занятые общим делом. Этот идеал был неизменным в течение более двух тысяч лет. Он, в отличие от европейского, был в большой степени осуществим. Культура его сохранила до сих пор. Недаром в последние годы из уст китайских руководителей в открытую зазвучал термин «китайская мечта». Си Цзинь-пин 29 ноября 2012 г., выступая в Китайском национальном музее, вполне в духе древности определил её так: «...это квинтэссенция многовековых мыслей и чаяний китайского народа о построении справедливого общества...».

Основным и, что крайне важно, весьма притягательным элементом китайской утопии являлись не политические или социальные преобразования, не создание принципиально нового социума на обломках полностью разрушенного старого, но конфуцианская личность — бескорыстный и неподдельно озабоченный судьбой мира ответственный и инициативный управленец. Благоустроенный мир возникал из реального в результате повседневной мирной деятельности таких деятелей. Но и сами они были результатом не внешнего насилия со стороны каких-то ещё более вышестоящих властей, как, скажем, у Платона. Они делали себя сами под влиянием образования, стремления к самосовершенствованию, преданности семье, личного преодоления корыстных и эгоистичных мотиваций ради более высоких и важных устремлений. Этот идеал сделал китайское общество поразительно устойчивым. После каждой социальной или военной катастрофы люди, ощущавшие необходимость спасения мира как личный вызов и способ наилучшей самореализации, раз за разом отстраивали общество, в котором сами занимали главенствующее положение и благодаря этому могли накормить сирот, позаботиться о стариках и найти достойных

единомышленников, объединённых общей целью улучшения мира.

Серьёзная слабость русской культуры состоит в том, что она к моменту трансплантации на российскую почву культуры европейской не успела выработать хоть какого-то мало-мальски общепринятого светского представления о желаемом мире. А усвоив вместе с европейской культурой и её утопии, она окончательно лишилась возможности породить свои. Утопии Мора и Кампанеллы были объявлены предтечами научного коммунизма, и именно такой коммунизм в СССР пытались построить. Ранние советские утопии двадцатых-тридцатых годов поразительно схожи с европейскими утопиями Ренессанса. Тотальная заорганизованность, полное уничтожение индивидуальности, агрессивность, стремление насаждать везде и всюду свой социальный идеал силовым путём, потому что он прогрессивен...

Но эти родовые черты оказались для русской культуры нравственно неприемлемы. Они были отторгнуты даже фантастической литературой. Проявилось нечто вроде биологической несовместимости.

Фактически делом создания автохтонного образа светлого будущего в русской культуре занялись только советские фантасты с конца пятидесятых годов. И очень быстро этот образ удивительным образом трансформировался от европейского прототипа к, не побоюсь этого слова — конфуцианскому варианту, хотя сами творцы советских утопий этого и не подозревали.

Минимум социально-политических подробностей и конкретных рекомендаций. Нулевая агрессивность, сформулированная в конце концов в виде осуждения прогрессорства. Основное внимание — на человеке. Человеке иного склада. Он хоть и вполне естественен, не зомбирован, не изнасилован начальниками, как в утопиях европейских, но просто мотивирован иначе, озабочен иным. Заманчивость советских утопий была обусловлена прежде всего тем, что заманчив, привлекателен был населявший их человек. Этим же манила в Китае конфуцианская утопия, обеспечившая преемственность китайской культуры и государственности.

Такой образ будущего, хотя оно самими литераторами и называлось по инерции коммунистическим, и навеянный европейскими утопиями образ коммунизма были прямыми антагонистами. Борис Стругацкий вспоминал в конце жизни: «Слова «коммунизм», «коммунист», «коммунары» – многое значили для нас тогда. В частности, они означали светлую цель и чистоту помыслов. Нам понадобился добрый десяток лет, чтобы понять суть дела. Понять, что “наш” коммунизм и

коммунизм товарища Сулова — не имеют между собой ничего общего».

Однако только-только нарождавшийся автохтонный образ мира, в котором хотелось бы жить, оказался — не без осознанного насилия со стороны государственной пропаганды и цензуры — буквально сметён. Причём сметён снова европейским идеалом человека и общества. А сам-то он сформировался в Европе уже после краха былых иллюзий как признание этого краха. Состоит он в том, что, во-первых, человек может быть как угодно плох, глуп, ненасытен, эгоистичен — это его дело и его проблемы, и никто не должен ему в том мешать, если только он не представляет для окружающих прямой угрозы. И, во-вторых, что совершенный, мелочно отрегулированный социальный механизм может и должен работать сам по себе, так что самые разные люди, и плохие, и хорошие, и глупые, и умные играют бок о бок по одним правилам, продают и покупают по одним ценам. Понятие общих целей оказалось скомпрометировано как атрибут тоталитаризма и подменено понятием одинаковых индивидуальных целей. Желанный мир в этой системе ценностей — это мир, где с каждым днём становится всё больше «можно» и всё меньше «нельзя». Неважно, что «можно» способно оказаться губительным, а «нельзя» — спасительным. «Губительность» и «спасительность» — это лишь разные мнения, все из которых субъективны. Поэтому «нельзя» всё равно плохо, а «можно» всё равно хорошо. Запрет только один — «нельзя» всё, что мешает количественному и качественному возрастанию «можно». Филипп Орлеанский провозгласил: «Запрещено всё, что мешает наслаждению». Это не прокламация, это традиция. Она зародилась задолго до Филиппа, и продолжает жить после него.

Для русской культуры идеал желанного будущего состоит, фактически, в том, что это будущее хорошеет не механически, но под воздействием хороших людей — то есть людей с нравственно модифицированной системой мотиваций. Не очень важно, каковы механизмы этого общества. Важно, что эти механизмы управляются теми, кто в поисках понимания и самоуважения, под воздействием совести и стремления быть заодно с теми, чьё мнение ценно и чьи взгляды разделяешь, старается привести мир к желаемому состоянию. Это будущее заманчиво не вседозволенностью, но обилием положительных эмоций от конструктивной творческой самореализации, взаимопонимания и единения.

Тут принципиальное различие. Нельзя назвать один идеал модер-

низированным, а другой — архаичным. Это не разные этапы, а разные пути развития.

Современный культурный раскол российского общества пролегает именно по этой границе. И он не может быть преодолен, пока не окажется выстроен, создан и доведен до сведения всех, кому это важно, родной для нас вариант мира, в котором хотелось бы жить. Пока в него не поверят, пока в него не начнут стремиться.

В ближайшие десятилетия истощение природных ресурсов сделает современную экономическую модель, основанную на постоянном расширении производства и потребления, нежизнеспособной. Предсказать, какая модель придёт ей на смену, невозможно, но она неизбежно будет связана с самоограничением. Самоограничение может быть ненасильственным только при условии серьёзного сдвига мотиваций и представлений о престиже. От самоутверждения — на совесть, от «круто зажигать» — на «интересно жить». Это явственно роднит новую модель с конфуцианскими и позднесоветскими утопиями. Для тех, у кого понедельник начинается в субботу, неважно, открылась новая сеть гипермаркетов, или нет. Тот народ, который сумеет сделать переход наиболее для себя органичным и безболезненным, наименее силовым, имеет наилучшие шансы, во-первых, сохранить за собой своё достояние в период грабежа, которым будет сопровождаться окончательный делёж последних крох, а во-вторых, оказаться наиболее жизнеспособным и перспективным в новом мире.

Не исключено, кстати, что таким народом станет народ Северной Кореи. Но это не лучший и, скажем прямо, малосимпатичный вариант. Хотелось бы, чтобы мы.